

М.А. Белоусов

К ВОПРОСУ ОБ ОЧЕВИДНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ГУССЕРЛЯ: ДАННОСТЬ И ГОРИЗОНТ*

Белоусов Михаил Алексеевич – кандидат философских наук, доцент. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Российская Федерация, 119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1; Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: mishabelous@gmail.com

Статья посвящена реконструкции исходного контекста, определяющего введение и последующую трансформацию понятия очевидности в феноменологии Гуссерля. Демонстрируется, что этот контекст задается основными различиями, проведенными в теории значения в «Логических исследованиях» – различием значения и предмета и различием между значением и созерцанием, которое принимает форму двойного различия: 1) интенции и осуществления значения, 2) значения и осуществляющего смысла. Анализ этих различий позволяет эксплицировать два основных значения понятия очевидности у Гуссерля – строгое и нестрогое. Во второй части статьи показывается, что различие горизонта и данности, определяющее трактовку очевидности в трансцендентальной феноменологии, есть лишь результат методической интерпретации различий, проведенных в теории значения и вытекающей из нее теории очевидности в «Логических исследованиях». Демонстрируется, что ключевые методические интуиции гуссерлевской феноменологии имплицитно содержатся в этих исходных различиях. В заключении на основе проведенного анализа тематизируется проблематический характер очевидности в феноменологии.

Ключевые слова: очевидность, феноменология, данность, горизонт, значение

Для цитирования: Белоусов М.А. К вопросу об очевидности в феноменологии Гуссерля: данность и горизонт // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 2. С. 66–81.

---

* Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00842 А «Формирование и трансформация концепций в феноменологической философии. История терминов и дискуссий».

Согласно формулировке Гуссерля в лекционном курсе «Идея феноменологии», феноменологический метод подразумевает ограничение сферой чистой очевидности, понятой в строгом смысле¹. Очевидность является одновременно и ключевой проблемой феноменологии и тем опытом, которым должно быть само феноменологическое «созерцание».

Поворот к «не-явленному» в современной французской феноменологии² было бы поспешно отождествлять с отбрасыванием принципа очевидности. Обращение к событию как невозможному опыту³ («насыщенному феномену» в терминологии Ж.-Л. Мариона⁴) мотивировано, скорее, попыткой *радикализации* принципа очевидности, призванной показать, что подлинная данность «превосходит» любые смысловые пределы и потому является *невозможной данностью*⁵. Так, у Мариона речь идет о необходимости освободить принцип интуитивной (созерцательной) данности, который есть не что иное, как принцип очевидности, от ограничений, налагаемых на него классической (гуссерлевской) феноменологией – обусловленности созерцания Я и горизонтом⁶. По утверждению К. Хельда, Хайдеггер, чьи идеи «феноменологии неявленного» и «сокрытости» как конститутивного момента истины оказали определяющее влияние на французскую феноменологическую традицию⁷, «образцово продумал принцип очевидности до конца»⁸.

Очевидность, таким образом, оказывается одной из ключевых тем не только классической, но и современной феноменологии, она проблематизируется и «сказывается» многими способами. Однако ни один из них не подразумевает тематизацию *внутренней истории*⁹ очевидности как проблемы и как термина, т.е. анализ того исходного контекста, проблемы и системы различий, которые определяют введение и последующую трансформацию понятия очевидности у основателя феноменологии и в последующей феноменологической традиции. Анализ внутренней истории проблемы и термина представляет не просто «архивный интерес», поскольку не только интерпретация, но и создание философского текста является интерпретацией *уже интерпретированных* понятий и различий¹⁰. Другими словами, актуальные философские проблемы и, следовательно, «феномены феноменологии» вовсе не являются непосредственными данностями, которые можно было бы отделить от историчности интерпретаций. Скорее то, что феномены *всегда уже истолкованы*, конституирует их *внутреннюю структуру*

¹ Гуссерль Э. Идея феноменологии. СПб., 2018. С. 266–267. (Далее: Идея феноменологии.)

² Шолохова С.А., Ямпольская А.В. Предисловие составителей // (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами. М., 2014. С. 4.

³ Ямпольская А.В. Искусство феноменологии. М., 2018. С. 242.

⁴ Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами. М., 2014. С. 81.

⁵ Там же. С. 63.

⁶ Там же. С. 69–70.

⁷ Шолохова С.А., Ямпольская А.В. Предисловие составителей // (Пост)феноменология. С. 4.

⁸ Хельд К. Хайдеггер и принцип феноменологии // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. Вып. I. С. 212.

⁹ Понятие «внутренней истории» как исследования контекста введения, генезиса и эволюции терминов в рамках философского учения введено В.И. Молчановым. См.: Молчанов В.И. Феноменология и терминология в Идеях I. Что естественного в «естественной установке»? // Философский журнал / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 4. С. 23.

¹⁰ Там же.

(внутреннюю историчность), и путь к феноменам ведет не в обход интерпретаций, а через них. Противопоставление истории и «самих вещей» (которые и есть вещи, данные с очевидностью) обременено наивной предпосылкой неисторичности «самых вещей». Наивность заключается в принятии за нечто непосредственное результата многослойных опосредований традиции. В случае очевидности соблазн наивности велик как никогда, так как она претендует на статус непосредственного опыта. Рассмотрение внутренней истории феноменологии как «исследовательской программы», основанной на принципе очевидности, проливает свет на генезис *самых вещей*.

Предлагаемая статья является попыткой сделать шаг в этом направлении. В ней анализируются основные различия, определяющие гуссерлевскую интерпретацию очевидности – различие значения и предмета и различие между значением и созерцанием, которое принимает форму двойного различия: 1) интенции и осуществления значения, 2) значения и осуществляющего смысла. Различие *горизонта* и *данности*, на котором основана трактовка принципа очевидности («принципа всех принципов») в *Идеях I*¹¹ и чистой (трансцендентальной) феноменологии в целом, является, как я попытаюсь показать, всего лишь результатом методической интерпретации этих исходных различий.

Исходные различия

Выражение «сами вещи» неоднократно сбивало с толку не только интерпретаторов, но и непосредственных учеников Гуссерля. Исток недоразумений заключается в смешении термина, которым являются «сами вещи», с выражением *обыденного языка*. Его результатом стал известный тезис о *реалистическом характере* феноменологии Гуссерля до так называемого «трансцендентального поворота»¹².

Смысл «самых вещей» меняется, если обратить внимание на контекст их появления в «Логических исследованиях». Разъясняя цель феноменологического анализа истоков логических понятий и законов, Гуссерль указывает на недостаточность символического понимания слов и необходимость обратиться к созерцанию: «Значения, которые оживлены только достаточно удаленными, расплывчатыми, несобственными – если вообще какими-то – созерцаниями, не могут нас удовлетворить. Мы хотим вернуться к “самим вещам”. На основе развернутых во всей своей полноте созерцаний мы хотим прийти к очевидности того, что данное при актуально осуществленном здесь абстрагировании поистине и действительно таково, каковым его подразумевают значения слов, выражающих закон...»¹³.

«Сами вещи» – это то, что дано в созерцании с очевидностью, а не что-либо реальное в обычном смысле слова. Понятие очевидности вводится как «переживание совпадения между мысленно полагаемым (Meinung) и присутствующим, которое в нем подразумевается, между пережитым смыслом

¹¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию. М., 2009. С. 80–81. (Далее: Идеи I.)

¹² Ingarden R. Meine Erinnerungen an Edmund Husserl // Husserl E. Briefe an Roman Ingarden. Den Haag, 1968. S. 113.

¹³ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. М., 2011. С. 11.

высказывания и пережитым положением дел»¹⁴. «Очевидность» и «сами вещи», таким образом, необходимо понимать исходя из различия и возможного совпадения значения или смысла¹⁵, с одной стороны, и его наглядного воплощения в «созерцании», с другой. Первое исследование второго тома *Логических исследований*, в котором вводится это различие, а также тесно связанное с ним различие значения, переживания и предмета, становится поэтому отправной точкой феноменологии как «исследовательской программы», строящейся на принципе очевидности. Различия, из которых состоит гуссерлевская теория значения, выходят за пределы семантики и служат истоком ключевых интуиций, определяющих характер феноменологического метода и его последующую трансформацию.

Различие между значением, переживанием и предметом соответствует, с рядом оговорок, фрегеанскому различию смысла, представления и значения (предмета, в терминологии Гуссерля)¹⁶. Например, в высказывании необходимо различать высказывание (суждение) как *акт сознания* (переживание), то, *что* говорится (значение) и то, *о чем* говорится (предмет)¹⁷. Значение как бы находится между переживанием (от которого оно отличается, в частности, идеальной intersубъективной идентичностью) и предметом (значение не предмет, а как бы смысловой «ракурс» предмета).

Различие между значением и его наглядной реализацией, интересующее нас здесь прежде всего, пересекается с различием значения и предмета¹⁸ и тесно связано с ним, но, в то же время, существенно от него отличается. Тесная связь обоих различий заключается в том, что в наглядном воплощении значения (наглядное воплощение как акт Гуссерль называет «осуществлением значения»¹⁹, а как идеальное содержание этого акта – «осуществляющим смыслом»²⁰) реализуется отношение значения к *предмету*²¹. Различие значения и предмета, таким образом, подразумевает различие между осмысленностью выражения и возможностью наглядной реализации его смысла. Несовпадение этих различий становится очевидно, когда Гуссерль указывает на необходимость различать значение и предмет также и в актах осуществления значения²². С другой стороны, если значение *как таковое* тематизируется как то, что противостоит наглядности, *предмет* может рассматриваться как *значение* в той мере, в какой он не «дан» наглядно и даже *не может быть дан*. Поэтому понятия значения и смысла в гуссерлевской феноменологии являются двусмысленными – они имеют *разный смысл* в зависимости от того, противопоставляются ли они *предмету как таковому* или *наглядному присутствию предмета*. Эти различия переплетаются и сливаются благодаря

¹⁴ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I. М., 2011. С. 168.

¹⁵ В отличие от Г. Фреге, термины «значение» и «смысл» Гуссерль употребляет как равнозначные. См.: Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. С. 53.

¹⁶ Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 231–232. В то же время, как показал Моханти, теория сознания и теория значения у раннего Гуссерля *взаимозависимы*. В этой связи совершенно ошибочным является традиционное утверждение о простом заимствовании Гуссерлем семантики Фреге (см.: Mohanty J.N. Edmund Husserl's Theory of Meaning. Hague, 1976. P. XV–XVIII).

¹⁷ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. С. 44–50.

¹⁸ К вопросу о месте переживания в системе этих различий я вернусь в дальнейшем.

¹⁹ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. С. 41.

²⁰ Там же. С. 51.

²¹ Там же. С. 40–41.

²² Там же. С. 52.

тому, что *сам предмет* отождествляется Гуссерлем с наглядно присутствующим (присутствующим в изначальном модусе наглядности – например, в восприятии) предметом.

Различие значения и наглядной данности, как его понимает Гуссерль, может быть проиллюстрировано на примере эмпирического высказывания. Понимание высказывания «В соседней комнате есть письменный стол» не зависит от того, можно ли войти в соседнюю комнату и «воочию» убедиться в его истинности или ложности. Понимание – это интенция значения, чьим коррелятом является значение как таковое. Убедиться воочию в том, что в соседней комнате есть письменный стол – значит «осуществить» значение, достичь очевидности как совпадения «подразумеваемого» (значения) и «данного». Здесь напрашивается возражение, для опровержения которого Гуссерль прилагает немало усилий: даже не воспринимая «подразумеваемое» высказыванием положение дел фактически, я все же наглядно представляю его в фантазии и лишь благодаря этому понимаю высказывание. Однако образы фантазии могут быть самыми разными при тождестве значения высказывания²³ (здесь становится очевидной несоразмерность значения и его наглядной реализации), а при обращении к математическим примерам обнаруживается, что в ряде случаев образы фантазии, которые бы осуществляли соответствующее значение, вообще невозможны²⁴. Более того, понимание абсурдных выражений, таких, как «круглый квадрат» показывает, что *априорную невозможность наглядного осуществления* нельзя смешивать с *отсутствием значения*²⁵.

Независимость значения *как такового* от наглядной реализации вовсе не означает, в соответствии с аргументацией I исследования, *независимости наглядной реализации от значения*, поскольку в осуществлении значения предмет не просто дан, а дан *так, как* его подразумевает значение²⁶. Данность – это осуществляющий *смысл*, который как *способ данности* предмета необходимо отличать от данного предмета²⁷. *Возможность* наглядного присутствия предмета составляют границы, предписанные данности значением. Иначе говоря, данность возможна *потому, что* она *всегда уже истолкована* в свете некоторого значения. Очевидность оказывается *совпадением двух значений* – интендирующего значения как способа *неданности* и осуществляющего значения как способа данности предмета²⁸.

Если, однако, отношение к наглядной реализации несущественно для значения *как такового*, почему очевидность становится конститутивным опытом для феноменологии? Здесь обнаруживается несамостоятельность гуссерлевской теории значения. В отличие от фрегеанских смыслов, гуссерлевские значения являются не онтологическими сущностями, но лишь средой интенциональности и референции²⁹. Стихия значения – это среда самообнаружения «самих вещей», смысловое измерение очевидности. Интенциональность «движется» *через* значение как *непредметный коррелят переживаний*

²³ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. С. 61.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 55.

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ Там же. С. 52.

²⁸ Там же.

²⁹ Mohanty J.N. Edmund Husserl's Theory of Meaning. P. XXVII-XXVIII.

к предмету³⁰, соответственно, к наглядности созерцания: «...не следует забывать, что *любая* очевидность акта суждения (всякое познание в строгом смысле) предполагает созерцательно осуществленные значения»³¹.

Двойному различию «значение/предмет» и «значение/данность предмета» соответствует двойной смысл интенциональности как направленности на предмет и направленности на осуществление значения. Направленность на предмет – это воля к очевидности³².

Но понятие очевидности также имеет два значения. Совпадение интенции и осуществления, значения и осуществляющего смысла может быть либо *полным*, либо *неполным*. В первом случае речь идет об очевидности в *строгом смысле* (im strengen Sinne), во втором – об очевидности в нестрогом, широком значении (im laxen Sinne)³³. В громадном большинстве случаев очевидность в строгом смысле не только не достигается, но недостижима в принципе³⁴.

Этот тезис, на первый взгляд, легко опровергается указанием на внешнее восприятие. На это возражение Гуссерль отвечает аргументами, которые остаются практически неизменными от «Логических исследований» до поздних работ. Притязание внешнего восприятия на полноту осуществления является *только* притязанием³⁵. Пространственная вещь всегда дана «одно-сторонне». Например, мы видим ее «с передней стороны», в то время как другие стороны лишь *подразумеваются* в единстве с воспринимаемой стороной, но при этом невидимы³⁶. Когда соответствующие «ожидания» осуществляются в восприятии (когда мы, например, видим заднюю сторону), ранее виденные стороны вещи становятся невидимыми (мы больше не видим переднюю сторону) – в единстве целостной интенции восприятия осуществление одних частичных интенций идет рука об руку с опустошением (утратой наглядности) других. Поэтому внешнее восприятие представляет собой «смесь осуществленных и неосуществленных интенций»³⁷. Но неверно также полагать, что актуально воспринимаемые стороны вещи даны в собственном смысле. *Смысл* того, что актуально дано в восприятии, определяется отсылками к тому, что дано в восприятии лишь потенциально (актуальная данность передней стороны *как передней стороны* предполагает потенциальную данность *других сторон*). Следовательно, под вопросом находятся не только встроенные в восприятие «ожидания», но и то, что дано или было дано актуально, ибо *существование* последнего, как и *существование* (а не только свойства) предмета в целом, зависит от осуществления этих ожиданий. Но предначертанные контекстом восприятия ожидания не только могут *не осуществиться* (противоположность осуществления интенции Гуссерль называет «разочарованием», Enttäuschung³⁸), внезапно перечеркнув доселе «самопонятное» существование предмета конфликтом

³⁰ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1. С. 94.

³¹ Там же. С. 68.

³² Хельд К. Хайдеггер и принцип феноменологии. С. 198.

³³ Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. II. Teil. 1. The Hague, 1984. S. 651–652. (Далее: Hua XIX/2).

³⁴ Ibid. S. 589.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. S. 590.

³⁸ Ibid. S. 574.

очевидностей³⁹, но и сам процесс осуществления, как и его коррелят, *бесконечны*⁴⁰. Из-за этой бесконечности внешнее восприятие обречено оставаться лишь *претензией* на обладание самим предметом, подвешенной *между* пустым значением и полностью осуществленным смыслом. Эта бесконечность характеризует и стороны предмета: каждая из них может быть дана только в определенной перспективе (вблизи, издалека и т.д.), причем актуальная перспектива точно так же отсылает к потенциальным, как видимая сторона – к невидимым. Смесь осуществленных и неосуществленных интенциональных «предвосхищений» превращает сам предмет в смысловое единство. Он становится коррелятом бесконечно многообразных, содержательно различных восприятий⁴¹. Между тем, «если бы восприятие во всех своих моментах, на что оно претендует, было бы действительной и подлинной самопрезентацией (Selbstdarstellung) предмета, то тогда для каждого предмета существовало бы только одно-единственное восприятие, поскольку его собственная сущность исчерпывается в этом самопрезентировании (Selbstdarstellen)»⁴².

Единственное (по своей сущности) восприятие и есть недостижимая во внешнем восприятии очевидность в строгом смысле как *полное* совпадение интенции и осуществления значения. Это совпадение Гуссерль именует «предельным осуществлением» (letzte Erfüllung)⁴³. Полнота наглядности – это цель познания: «Но очевидность в точном критико-познавательном смысле касается исключительно этой последней, не превосходимой цели, акта полнейшего синтеза осуществления, который дает интенции, например, интенции суждения, абсолютную содержательную полноту, а именно полноту самого предмета. Предмет не просто подразумевается, но в строжайшем смысле дан так, как он подразумевается и в единстве с подразумеванием...»⁴⁴. Искать очевидность такого рода Гуссерль предлагает в «чистом восприятии», т.е. восприятии, которое «вовсе не может содержать каких-либо неосуществленных интенций»⁴⁵ и интенционально заключать в себе неинтуитивно (ненаглядно) «со-подразумеваемые» (mitgemeint) в единстве с «данным» стороны или определенности предмета⁴⁶.

В «Логических исследованиях», однако, отсутствует сколько-нибудь подробное рассмотрение «чистого восприятия», которое реализовывало бы «идеал предельного осуществления»⁴⁷. Гуссерль лишь мимоходом говорит о том, что «внутренне переживаемое, схватываемое, как оно есть, в рефлексивном восприятии» является примером полноты предельного осуществления, т.е. соответствия «самим вещам»⁴⁸. Несмотря на упоминание рефлексивного восприятия, очевидность в строгом смысле вводится пока только как идеал и не получает дальнейшего прояснения.

³⁹ Примером такого конфликта может служить прерывание связанного сновидения пробуждением. Очевидность бодрствования вступает в противоречие с очевидностями сновидения и перечеркивает существование предмета, который до этого полагался как данный.

⁴⁰ *Tengelyi L.* Welt und Unendlichkeit. Zum Problem phänomenologischer Metaphysik. Freiburg; München, 2014. S. 19.

⁴¹ *Ibid.* S. 589.

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Ibid.* S. 646–647.

⁴⁴ *Ibid.* S. 651.

⁴⁵ *Ibid.* S. 649.

⁴⁶ *Ibid.* S. 612.

⁴⁷ *Ibid.* S. 646.

⁴⁸ *Ibid.* S. 648.

Данность и горизонт

Достаточно слабые и даже «схоластические» различия между значением, переживанием и предметом, и, прежде всего, интенцией и осуществлением значения вместе с вытекающим из них различием двух понятий очевидности имплицитно содержат в себе почти все ключевые методические интуиции гуссерлевской феноменологии. Методическая тематизация различия между двумя понятиями очевидности превращает феноменологию в трансцендентальный проект. Значение переосмысливается как *горизонт*, осуществление значения и осуществляющий смысл становятся *данностью*, а нейтрализация очевидности в нестрогом смысле как удержание (а, точнее, первичное учреждение) очевидности в строгом смысле определяет идею *эпохе и редукции*.

Уже лекционный курс 1907 г. «Идея феноменологии», в котором Гуссерль впервые вводит центральное методическое понятие своей феноменологической программы – феноменологическую редукцию – предоставляет достаточно аргументов для обоснования сказанного. Феноменологическая редукция определяется как «ограничение сферой *чистых самоданностей*, сферой того, о чем не только говорится и что не только подразумевается, также не сферой того, что воспринимается, но тем, что именно в том смысле, в каком оно подразумевается, также дано и является самоданным в строжайшем смысле, так что нет ничего из подразумеваемого, что было бы не дано. Одним словом, ограничение сферой чистой очевидности, понятой в известном строгом смысле этого слова, который уже исключает “опосредованную очевидность” и, прежде всего, любую очевидность в нестрогом смысле этого слова»⁴⁹.

Знаменитый принцип редукции заключается, следовательно, лишь в методическом различении двух понятий очевидности – нестрогого (смеси данного и не-данного, в которой интенция всегда выходит за пределы осуществления) и строгого (легко распознать в нем «предельное осуществление», в котором «нет ничего подразумеваемого, что не было бы дано»). Это *ограничение* полагает *горизонт* феноменологии – им становится «абсолютная данность» как нечто «последнее»⁵⁰. Но ограничение сферой «предельного осуществления» не подразумевает превращения феноменологии в исследование *особых предметов*, данных со «строгой очевидностью», так же как нейтрализация «нестрогой» очевидности отнюдь не означает ее *отбрасывания*. Редукция ограничивает феноменологию в *методическом*, а не *предметном* отношении. Обоснование этого тезиса также строится на различиях, которые были рассмотрены в первой части статьи. Во-первых, Гуссерль отделяет различие двух понятий очевидности от различия внутреннего и внешнего опыта. Во-вторых, интенциональность как различие и корреляция переживания, значения (смысла) и предмета снимает предметную границу «предельного осуществления» и превращает «неданность» в конститутивный момент «очевидности в строгом смысле». Соответствующие аргументы, как я попытаюсь теперь показать, позволяют Гуссерлю связать принцип данности с принципом горизонтности.

⁴⁹ Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen. Den Haag, 1973. S. 60–61. (Далее: Ниа II.) Пер. изменен, ср.: Идея феноменологии. С. 266–267.

⁵⁰ Идея феноменологии. С. 267.

Возможность очевидности в строгом смысле Гуссерль, как и в «Логических исследованиях», *ближайшим образом* связывает с рефлексивным восприятием переживаний сознания. Данность переживаний свободна от той загадки, которая конституирует *проблематичность* познания для феноменолога. Эта загадка *трансценденции*: естественное (как научное, так и донаучное) познание претендует на постижение объектов и вещей, которые *не даны в нем в истинном смысле* (im wahren Sinne)⁵¹. Контекст введения понятия трансценденции, таким образом, опять-таки задается различениями интенции и осуществления значения, значения и осуществляющего смысла: трансцендентным в *феноменологическом смысле* является *несовпадение* подразумеваемого и данного⁵². Напротив, подразумеваемое (значение и интенция значения) и данное (осуществление и осуществляющий смысл) полностью совпадают в рефлексивном восприятии переживаний как том «единственном восприятии», которое исчерпывает «самопрезентацию» своего предмета. Переживание «считается несомненным как раз потому, что оно ничего другого не представляет, ничего за пределами себя “не подразумевает”, ибо то, что здесь подразумевается, целиком и полностью адекватно дано само по себе»⁵³. Так в качестве противоположности трансценденции вводится понятие *имманенции* – оно означает все то, что может быть *дано с очевидностью в строгом смысле*⁵⁴. Но здесь и возникает опасность рокового смещения феноменологического различия имманенции (сферы очевидности в строгом смысле) и трансценденции (сферы очевидности в нестрогом смысле) с традиционными различиями *внутреннего и внешнего опыта*, психических переживаний и физических предметов: «Имманентное, как здесь скажет новичок, во мне, трансцендентное – вне меня»⁵⁵. Как возможно различие этих различий? В контексте рассмотренных выше различий различия внутреннего и внешнего, физического и психического *сами оказываются трансцендентными*. Переживание, понятое как нечто, находящееся *во мне, внутреннее и психическое, трансцендентно*: «Я как личность, как вещь мира, и переживание как переживание этой личности, включенной, пусть даже и совершенно неопределенно, в объективное время – все это трансценденции и как таковые суть познавательно-теоретический ноль»⁵⁶. Трансцендентность «внутреннего» и «психического» связывается здесь, как мы видим, с его *включенностью* в смысловой контекст мира и объективного времени. Иначе говоря, «психическое» *отсылает* к пространственно-временному, природному миру подобно тому, как восприятие фронтальной стороны пространственной вещи отсылает к потенциальным восприятиям ее невидимых сторон и вещи в целом⁵⁷. Психическое как «состояние»⁵⁸ отсылает к своему носителю – *реальному психофизическому субъекту* (человеку или животному), являющемуся *частью природного мира*. Следовательно, полагание *психического, внутреннего есть со-полагание физического, природы, мира*, т.е. со-полагание трансценденции, и потому само трансцендентно. Однако «отсечение» отсылок отнюдь не позволяет «вычлени-

⁵¹ Ниа II. S. 35; Идея феноменологии. С. 223.

⁵² Идея феноменологии. С. 224.

⁵³ Идея феноменологии. С. 170.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 237.

⁵⁷ Ср.: Идеи I.C. 167–172.

⁵⁸ Там же.

из очевидности в нестрогом смысле строгую очевидность, поскольку ядро актуальной данности трансцендентного определяется этими отсылками *внутренне*, а не внешне. Поэтому «феноменологическая редукция» как «выключение всех трансцендентных полаганий»⁵⁹ нейтрализует «психическое» и «внутреннее» точно так же, как «физическое» и «внешнее». Таким образом, со «строгой» очевидностью переживание дано лишь постольку, поскольку оно *не принадлежит миру*⁶⁰.

Однако не принадлежащие миру переживания сознания не есть и *не что* вне мира. *Сущность* переживания заключается в *интенциональности* как *смысловой* направленности на *предмет*, т.е. в том, что оно выходит за пределы себя самого (за пределы переживаемого содержания) и *есть* отношение к своему интенциональному (не переживаемому, не-реальному (*nicht reell*)⁶¹) содержанию. Интенциональность как *различие* и *сущностная корреляция* переживания, значения и предмета делает данность переживания данностью значения и предмета, *поскольку* они подразумеваются (но не переживаются) сознанием: «С другой стороны, это отношение к трансцендентному, если бытие оно я ставлю также в связи с достоверностью [этого отношения] под вопрос, имеет, однако, нечто постижимое (*Fassbares*) в чистом феномене. Это отнесение-себя-к-трансцендентному (*Sich-auf-Transzendentes-beziehen*), [которое есть] подразумевание этим или любым другим способом, является все же внутренним характером феномена»⁶². Другими словами, к сфере очевидности в строгом смысле принадлежит трансцендентное как *коррелят переживания*, т.е. как *значение*, но не как *полностью осуществленное значение*, за которое его выдает наивный опыт. Трансцендентное дано в строгом смысле как *смысл*, которым оно само и является, иначе говоря, оно дано как *неданное*. Поэтому оно оказывается «имманентным в интенциональном смысле»⁶³. Это позволяет Гуссерлю расширить понятие имманентного (очевидного в строгом смысле) таким образом, что оно включает в себя и *все трансцендентное* (все, что вообще каким-либо образом «есть») и, тем самым, полностью преодолеть традиционное отождествление имманентного с переживаемым *содержанием сознания*⁶⁴. Имманенция и трансценденция становятся чисто методическими понятиями, подразумевающими не ту или иную предметную сферу (сознание или природу), а лишь способ данности мира. Сознание как исходный пункт проблематизации мира в феноменологии – ничто вне «отнесения-себя-к-трансцендентному»⁶⁵. Поэтому «абсолютная данность» переживания как снятие отсылок к неданному (исключение очевидности в нестрогом смысле) превращается в *чистую отсылку к неданности*. Сознание – ни в мире, ни вне мира, но на его *границе*. Таким образом принцип очевидности может обернуться принципом горизонтности.

Хотя понятие горизонта в «Идее феноменологии» еще отсутствует, такие характеристики обыденного опыта, как «мнимое имение-со-данным»

⁵⁹ Ниа II. С. 5. Пер. изменен, ср.: Идея феноменологии. С. 170–171.

⁶⁰ Идея феноменологии. С. 173–174.

⁶¹ Ниа II. С. 5.

⁶² Идея феноменологии. С. 241–242.

⁶³ Там же. С. 255.

⁶⁴ Там же. С. 224–225.

⁶⁵ Zahavi D. Husserl's noema and internalism-externalism debate // Inquiry. An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 2004. Vol. 47. No. 1. P. 51.

(das vermeintliche Mitgegebenhaben), «переплетенное с созерцанием трансцендирующее подразумевание»⁶⁶ предвосхищают введение принципа горизонтности в «Идеях I». Эта «мнимая со-данность» должна, в соответствии с «Идеей феноменологии», быть выведена из игры как *данность*: «Неизменный вопрос гласит: дано ли это подразумеваемое в подлинном смысле, схвачено и созерцаемо ли оно в строжайшем смысле, или подразумевание выходит за пределы этой данности?»⁶⁷. Но тем самым «со-данность» впервые вводится в игру как *неданность*, или, точнее говоря, как единство данности и неданности – та совокупность отсылок и предвосхищений, которую невозможно отделить от наглядного присутствия вещи.

Именно в этом значении понятие горизонта впервые вводится в «Идеях I»⁶⁸. Соответствие между *предвосхищением* и наглядным *осуществлением*, позволяющее сохраняться смысловой связи горизонта, Гуссерль называет *согласованностью* (Einstimmigkeit)⁶⁹. Однако согласованность не может быть гарантирована, поскольку требует *бесконечного* процесса подтверждения (осуществления предвосхищений) и в любой момент может быть разрушена несоответствием ожидания и наглядного осуществления (например, вещь, которая полагалась как существующая в связанном сновидении, была разоблачена как иллюзия новым восприятием, разрушившим согласованность при пробуждении)⁷⁰. И все же в обыденном опыте всегда предначертан универсальный горизонт *существующего мира*, который позволяет вписать неизвестное и неожиданное в известное и тут же восстановить нарушенную согласованность. Любой «спор» очевидностей в «нестрогом» смысле разрешается миром. Мир, следовательно, есть горизонт горизонтов, трансценденция всех трансценденций, которая заранее и без всяких вопросов полагается «со-данной» в любом опыте и делает невозможной феноменологическую очевидность. Концептуализация горизонта в *Идеях I* позволяет лишь более отчетливо обозначить смысловое единство «нестрогих» очевидностей.

Сказанное проливает свет на то, почему принцип очевидности или «принцип всех принципов»⁷¹, реализуется в *Идеях I* не просто посредством выключения всех трансценденций (как в «Идее феноменологии»), но посредством выключения «главной» трансценденции – существования мира. Тем не менее, *эпохе* как воздержание от суждения о существовании мира во всех его модальностях полностью совместимо с «непоколебимой убежденностью в истине» тезиса «мир есть» и не есть ни сомнение, ни, тем более, отрицание мира⁷². «Выключение» мира означает всего лишь приостановку *наивного отождествления* того *смысла или горизонта*, которым является *сам мир*, с *полностью осуществленным смыслом*. Сущность «естественной установки» у Гуссерля заключается в *смещении двух понятий очевидности*, т.е. в выдавании *претензии* за *обладание*⁷³. Это выдавание предстает

⁶⁶ Hua II. S. 63. Пер. изменен, ср.: Идея феноменологии. С. 270.

⁶⁷ Ibid. S. 62–63. Пер. изменен, ср.: Идея феноменологии. С. 271.

⁶⁸ Ср. напр.: Идеи I. С. 132.

⁶⁹ Там же. С. 472. Ср.: Хельд К. Бог в феноменологии Эдмунда Гуссерля // Ежегодник по феноменологической философии. 2010. Вып. II. С. 22.

⁷⁰ Там же. С. 132.

⁷¹ Идеи I. С. 80.

⁷² Там же. С. 29–30.

⁷³ Чернавин Г.И. Непонятность само собой разумеющегося. М., 2018. С. 26–27.

в двойном облике результата (мир *всегда* уже полагается как существующий) и процесса (автоматически принятая вера в мир *мотивирует* интенциональную волю к *обладанию* объектом). Естественная установка *есть*, таким образом, двойное сокрытие *горизонта как горизонта*, захваченность уничтожением *смысловой неполноты*. Она стирает даже след смыслового предвосхищения и поэтому ведет также к смешению осуществляющего смысла с предметом. Наивному *опредмечиванию смысла* противостоит феноменологическое *осмысление предметности*, т.е. удержание непреодолимого зазора между смыслом и его *полным осуществлением*, требующее противоположной направленности воли – *воздержания* от сокрытия/закрытия горизонта. Эпохе – это *раскрытие* или приведение к *данности горизонта как горизонта*, иначе говоря, манифестация смысла обыденной жизни, поскольку зависает между пустым и полностью осуществленным значением: «Мир находится, причем сущностным образом, во взвешенном состоянии между бытием и видимостью»⁷⁴. Поэтому сомнение и отрицание, в отличие от эпохе как *подвешивания тезиса* «мир есть», упускают способ бытия мира. Отрицание (коррелятом которого является «антипод» предельного осуществления – предельное разочарование интенции) является лишь негативным модусом закрытия горизонта, сводящим мир к видимости. Сомнение же есть колебание между двумя возможностями *закрытия* горизонта (мир либо есть, либо является видимостью) и тем самым является модальностью естественной веры в мир. Эпохе как *воздержание от закрытия горизонта* есть, тем самым, и *воздержание от сомнения*. Сомнение и отрицание предполагают, будто мы *понимаем* то, в чем сомневаемся или что отрицаем. Однако там, где это понимание является мнимым, сомнение и отрицание лишаются смысла. Тезис мира подлежит *пониманию*, а не сомнению или отрицанию. Понять – значит увидеть смысл чего-то и увидеть нечто как *смысл*. Мир, увиденный феноменологом как *смысл*, *становится горизонтом* и именно поэтому *перестает быть горизонтом*, так как конститутивной чертой жизни в горизонте мира является слепота к миру как *горизонту*, более того, как было показано выше, естественная жизнь в мире есть для Гуссерля *самоослепление* в отношении горизонтной неполноты. Это трагическое самоослепление есть сущность интенционального воления, которое должно быть приостановлено эпохе. Но приостановка интенционального воления – безразличие к достижению (предельному осуществлению) или недостижению цели естественных интересов – не есть *отказ от* этой воли, поскольку именно она, как выход за пределы данного, и открывает горизонт мира. Цель есть *предел* интенции, т.е. *горизонт как очевидность в строгом смысле*. Сознание как «имманентное бытие», характеризующееся абсолютной данностью в противоположность неадекватной данности трансцендентного⁷⁵, есть ничто без интенциональности, и потому оказывается чистым излучением горизонта, т.е. *событием* смыслообразования как таковым, не принадлежащим горизонту в том смысле, в котором горизонт не принадлежит *самому себе*. Выход за *пределы* данного есть выход за горизонт, ибо горизонт и есть «предел данного». Говоря по-кантиански, возможность (граница) опыта не есть *возможный опыт*.

⁷⁴ Husserl E. Zur phänomenologischen Reduktion. Texte aus dem Nachlass. 1926–1935. Dordrecht; Boston; L., 2002. S. 140.

⁷⁵ Идеи I. С. 150.

Но не возникает ли здесь противоречие? Не являются ли эпохе и редукция, посредством которых Гуссерль стремится осуществить идею науки, основанной исключительно на *строгой очевидности*, как раз исключением этой очевидности, воздержанием от полноты осуществления или неосуществления смысловых предвосхищений? По Гуссерлю, однако, это воздержание само имеет *горизонт*: оно *ограничено* опытом *мира*⁷⁶. Я переступаю через мировой горизонт именно потому, что отступаю от него (тогда как в обыденном опыте я мню горизонт достигнутым и оттого не вижу никакого горизонта, полагаю себя *обладающим* существованием мира), освобождаю свою волю от мира, отпуская мир на волю. Я приостанавливаю полагание трансцендентного тем, что полагаю трансцендентное как *трансцендентное*, т.е. нестрогую очевидность как нестрогую, горизонт как горизонт. Имманентным (очевидным в строгом смысле) является само это «раздваивающее» полагание, поскольку оно *есть* смысловая взаимоотношенность сознания и мира. Строгая очевидность есть, таким образом, *чистый* выход за собственные пределы и, следовательно, пустой горизонт. Поэтому она есть не простое осуществление пустого значения, а совпадение *осуществления и опустошения* смысла. Строгая очевидность осуществляется здесь отказом от строгой очевидности – противоположное естественной тенденции воли волевое движение эпохе является в то же время радикализацией естественного воления. Не отказ от интереса, а, напротив, погружение в интерес в смысле *inter-esse* – бытие *между* опустошением и осуществлением значения как бытие *в середине* мира – составляет сущность феноменологического эпохе. Эпохе – это осуществление естественных интересов как таковое, поскольку *осуществление* и есть *интерес*, т.е. то, что не есть ни чистая неосуществленность, ни чистая осуществленность, хотя, в известном смысле, оно есть *и то, и другое*.

Принцип всех принципов есть, следовательно, принцип единства горизонта и данности: данное нужно принимать так, как оно себя дает, но только в тех *границах (горизонтах)*, в которых оно себя дает. Тематизация очевидности как единства горизонта и данности в трансцендентальной феноменологии есть, тем не менее, как явствует из проведенного анализа, всего лишь «способ данности» тех различений, которые были проведены в рамках теории значения и теории очевидности в «Логических исследованиях». *На первый план* при этом выходят коррелятивные различия интенции и осуществления значения и значения и осуществляющего смысла. Это проявляется в частности, в том, что, как показал Дан Захави, различие между смыслом и предметом у Гуссерля есть не различие особых «сущностей», а различие *установок*. То, что в естественной установке выступает как «просто предмет», в феноменологической установке превращается в *смысл*⁷⁷. Предмет – это смысл, *поскольку он не дан*, и он дан, т.е. *существует*, только как смысл. «Предмет» и «смысл» суть различные способы подразумевания, т.е. *смыслы*, одной и той же «вещи». Правда, различие между смыслом и предметом *внутри* феноменологической установки при этом не стирается, но оно само превращается в *смысловой момент*⁷⁸.

⁷⁶ Идеи I. С. 100.

⁷⁷ Zahavi D. Husserl's noema and internalism-externalism debate. P. 46.

⁷⁸ Ibid.

Заключение

Контекст введения понятия очевидности в феноменологии Гуссерля задается различиями и проблемами, которые впервые тематизируются и эксплицируются в теории значения в первом исследовании второго тома «Логических исследований». Они образуют «начало» внутренней истории очевидности в феноменологии. Понятия, определяющие истолкование очевидности и феноменологического метода в целом в трансцендентальной феноменологии – эпохе, редукция, интенциональность, имманенция, трансценденция, и, прежде всего, горизонт и данность, – являются лишь результатами интерпретации тех же исходных различий и проблем.

Анализ этих различий, однако, показывает, что нет ничего менее очевидного, чем очевидность. Очевидность не есть то подлинное «само собой разумеющееся», ради которого феноменолог проблематизирует неподлинную (повседневную) самопонятность, не есть она и обетованная земля философии, в которой он находил бы покой после долгих странствий по океану иллюзий. Гуссерлевский анализ горизонтной структуры очевидности *раскрывает проблематический характер самой феноменологической данности*. Иначе говоря, феноменологическая очевидность *есть* проблема. Очевидность является проблемой не просто в том смысле, что она не дана исходно. Скорее, ее «данность» как раз *конституирует*, а не снимает проблематичность феномена, поскольку последний оказывается *дан как горизонт*, т.е. дан как принципиально ускользающий от данности. С другой стороны, ускользая не просто от фактической данности, но от самой *возможности данности*, феномен выходит за пределы горизонта. Гуссерлевский принцип всех принципов имплицитно содержит в себе как феноменологию неявленного, так и феноменологию события.

Это позволяет развеять миф о позитивистском происхождении принципа очевидности в феноменологии Гуссерля. Истоки этого мифа – в игнорировании внутренней истории понятия в пользу истории внешней. Данность – не идол, а молот феноменологического исследования. Ее дороги оказываются до странности широкими и разветвленными, соединяя прошлое и будущее феноменологии.

Список литературы

- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
- Гуссерль Э. Идея феноменологии / Пер. с нем. Н.А. Артеменко. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. 320 с.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I / Пер. с нем. Э.А. Бернштейн под ред. С.Л. Франка. М.: Академический проект, 2011. 253 с.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1 / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. 565 с.
- Молчанов В.И. Феноменология и терминология в Идеях I. Что естественного в «естественной установке»? // Философский журнал / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 4. С. 21–35.
- Постфеноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. 288 с.
- Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 231–246.

- Хельд К. Бог в феноменологии Эдмунда Гуссерля // Ежегодник по феноменологической философии. 2010. Вып. II. С. 15–30.
- Хельд К. Хайдеггер и принцип феноменологии // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. Вып. I. С. 190–220.
- Чернавин Г.И. Непонятность само собой разумеющегося. СПб.; М.: Центр гуманитарных инициатив; Добросвет, 2018. 244 с.
- Ямпольская А.В. Искусство феноменологии. М.: Рипол-Классик, 2018. 342 с.
- Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1973. 94 S. (Husserliana. Bd. II)
- Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. II. Teil. 1. The Hague: Martinus Nijhoff, 1984. 958 S. (Husserliana. Bd. XIX/2)
- Husserl E. Zur phänomenologischen Reduktion. Texte aus dem Nachlass (1926–1935). Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 2002. 670 S.
- Ingarden R. Meine Erinnerungen an Edmund Husserl // Husserl E. Briefe an Roman Ingarden. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1968. S. 106–135.
- Mohanty J.N. Edmund Husserl's Theory of Meaning. The Hague: Martinus Nijhoff, 1976. 179 p.
- Tengelyi L. Welt und Unendlichkeit. Zum Problem phänomenologischer Metaphysik. Freiburg; München: Alber, 2014. 604 S.
- Zahavi D. Husserl's noema and internalism-externalism debate // Inquiry. An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 2004. Vol. 47. No. 1. P. 42–66.

To the question of evidence in Husserl's phenomenology: the givenness and the horizon*

Mikhail A. Belousov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82/1 Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: mishabelous@gmail.com

The article deals with the initial context of introduction and subsequent transformation of the concept of evidence in Husserlian phenomenology. It shows that the initial context is composed of the basic differences drawn in the theory of meaning of *Logical Investigations*. These differences include the difference between experience, meaning and object as well as the correlative differences between meaning-intention and meaning-fulfillment, on the one hand, and meaning and fulfilling sense, on the other. The proposed analysis of these distinctions allows the author to explicate the two main interpretations of the notion of evidence: the strict and the lax meaning. The second section reveals the distinction between the horizon and the givenness. This distinction plays a key role in the treatment of evidence in transcendental phenomenology as a mere result of a methodical interpretation of the differences drawn in the theory of meaning and the theory of evidence in *Logical Investigations*. It is demonstrated that these differences imply key methodical intuitions of Husserlian phenomenology. In conclusion, the naïve origins of the principle of evidence in phenomenology are thematized.

Keywords: evidence, phenomenology, givenness, horizon, meaning

For citation: Belousov, M. A. "K voprosu ob ochevidnosti v fenomenologii Gusserlya: dannost' i gorizont" [To the question of evidence in Husserl's phenomenology: the givenness and the horizon], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 2, pp. 66–81. (In Russian)

* The research was conducted with funding from RFBR, grant project No. 20-011-00842 A "Formation and Transformation of concepts in Phenomenological Philosophy. History of Terms and Discussions".

References

- Chernavin, G.I. *Neponyatnost samo soboi razumeiushegosya* [The oddity of the taken for granted]. St. Petersburg; Moscow: Dobrosvet Publ., 2018. 244 pp. (In Russian)
- Frege, G. "O smysle i znachenii" [On sense and meaning], in: G. Frege, *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics], trans. by B.V. Biriukov. Moscow: Aspekt Press, 2000, pp. 231–246. (In Russian)
- Held, K. "Bog v fenomenologii Edmunda Gusserlya" [God in Edmund Husserl's phenomenology], *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii*, 2010, Vol. II, pp. 15–30. (In Russian)
- Held, K. "Khaidegger i printsip fenomenologii" [Heidegger and the principle of phenomenology], *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii*, 2008, Vol. I, pp. 190–220. (In Russian)
- Husserl, E. *Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1973. 94 S. (Husserliana, Bd. II)
- Husserl, E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaja: Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy I: General Introduction to a pure phenomenology], trans. by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2009. 489 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Ideya fenomenologii. Pjat lekcii* [The Idea of Phenomenology. Five Lectures], trans. by N.A. Aretemenko. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2018. 320 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations], Vol. I, trans. by E.A. Bernstein. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 253 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations], Vol. II, Pt. 1, trans. by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2011. 565 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Logische Untersuchungen*, Bd. II, Teil 1. The Hague: Martinus Nijhoff, 1984. 958 S. (Husserliana, Bd. XIX/2)
- Husserl, E. *Zur phänomenologischen Reduktion. Texte aus dem Nachlass (1926–1935)*. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 2002. 670 S.
- Ingarden, R. "Meine Erinnerungen an Edmund Husserl", in: E. Husserl, *Briefe an Roman Ingarden*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1968, S. 106–135.
- Mohanty, J.N. *Edmund Husserl's Theory of Meaning*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1976. 179 pp.
- Molchanov, V.I. "Fenomenologiya i terminologiya v Ideyakh I. Chto estestvennogo v 'estestvennoi ustanovke'?" [Phenomenology and terminology in Ideas I. What is natural in the 'natural attitude'?), *Filosofskii Jurnal / Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 4, pp. 21–35. (In Russian)
- Sholokhova, S.A. & Yampolskaya, A.V. (eds.) *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Francii i za ee predelami* [(Post)phenomenology: new phenomenology in France and beyond]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2014. 288 pp. (In Russian)
- Tengelyi, L. *Welt und Unendlichkeit. Zum Problem phänomenologischer Metaphysik*. Freiburg; München: Alber, 2014. 604 S.
- Yampolskaya, A.V. *Iskusstvo fenomenologii* [The art of phenomenology]. Moscow: Ripol-Klassik Publ., 2018. 342 pp. (In Russian)
- Zahavi, D. "Husserl's noema and internalism-externalism debate", *Inquiry. An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, 2004, Vol. 47, No. 1, pp. 42–66.